

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто?

Памяти И. А. Халий

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

For citation: Aksenova O. V. Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function performer, Nobody? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

**Аксенова
Ольга Владимировна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

illaio@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [73292](#)

Аннотация. В статье рассматривается история создания концепции парадигмы социального действия, а также перспективы её применения для анализа современного развития России. В первой части работы представлены воспоминания о формировании концепции и о роли в этом процессе разработанных И. А. Халий принципов исследования, включающих изучение активизма, актуализированных ценностей и взгляд на социальные процессы и явления с позиций локальности. Всё это создало особый ракурс наблюдения, выявляющий свойства социального действия и его субъекта и проявляющий парадоксы и противоречия советской и российской систем управления. Показано, как был сделан вывод о ключевой роли действующего субъекта в традиционной для России модели управления и как возникла идея парадигмы социального действия как совокупности базовых свойств самого действия и его субъекта, включающей в себя способность нетривиально мыслить и самостоятельно действовать, ценность сложного и творческого труда, ценность свободы действия и т. п. Во второй части работы рассматриваются перспективы использования интерпретации социального действия как дихотомии свободного и алгоритмизованного действия для изучения процессов развития. Современный прогресс ориентирован на тотальную алгоритмизацию человеческой деятельности и в перспективе на полную замену человека алгоритмами во всех сферах. Приоритетом российского стратегического планирования на федеральном уровне является цифровизация и технологический прогресс. В пространственном измерении складываются тенденции создания

крупных городских агломераций, которые для формирования технологической системы подходят в большей степени, чем малые города и посёлки. Результатом догоняющего российского развития может оказаться сведение социального действия к алгоритму, а его субъекта – к функции, т. е. формирование человека, не способного мыслить и действовать самостоятельно. Полная его замена алгоритмом в технологических цепочках на практике может означать появление «лишних людей», физическое выживание которых не гарантировано. В статье поставлен вопрос, можно ли в таком случае данный вид трансформаций считать развитием или прогрессом?

Ключевые слова: парадигма социального действия, актор, агент, свободное действие, алгоритмизованное действие, технологическая система, акторская система, развитие, прогресс, ценности

Целью настоящей работы поначалу был только анализ перспектив использования интерпретации социального действия как дихотомии действия свободного и нормативного (алгоритмизованного), а его субъекта как противоречивого единства актора (действующего субъекта) и агента (субъекта-функции) в качестве теоретических инструментов изучения современного российского развития. В результате развёртывания этих противоречий по мере индустриального развития формировались акторская или технологическая системы управления (или, в более широком смысле, преимущественно акторское или преимущественно технологическое устройство социума). Технологическая система складывается по мере становления западного модерна, акторская парадоксальным образом возникает в модерне советском и российском. Подробно суть этой концепции, её эмпирические и теоретические основания изложены в авторской монографии, ряде статей и докторской диссертации [Аксенова 2016; 2017].

Однако смерть коллеги и соратника заставила вспомнить и осмыслить историю, в которую разом превратились наши вроде бы недавние обсуждения и споры. Возникла необходимость показать роль сформированных Ириной Альбертовной Халий принципов исследования в концептуализации социального действия и его субъекта. В итоге первый раздел статьи написан скорее в жанре аналитических мемуаров. Второй представляет собой осмысление (с обозначенной выше целью) наметившихся трансформаций субъекта социального действия на Западе и в России на основании результатов нашего последнего, ещё не законченного проекта: «Развитие как концепт и как социальная реальность в современной России»¹, часть из которых уже опубликована [Аксенова, Халий, 2018; Аксенова 2019а; Аксенова 2019b].

¹ Проект выполняется Отделом анализа социокультурных оснований политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН в 2018–21 гг. В 2019 г. полевые исследования проводились в районных центрах Астраханской, Тверской, Псковской, Курской, Мурманской областей, в республиках Алтай и Карелия, а также в Москве.

1. Парадигма социального действия. История концепта

В начале 1990-х гг. мы, тогда ещё начинающие социологи, принимали участие в совместном российско-французском исследовании отечественного экологического движения, осуществлявшемся под руководством А. Турэна и М. Вивьёрки, а с российской стороны О. Н. Яницкого. Акционистская позиция исследователя, требовавшая отказа от позитивистской отстранённости от предмета, оказалась на удивление близка восприятию российских участников проекта: «Одно дело – бесконечные «срезы» и «коллективные фотографии», называемые у нас опросами общественного мнения. И совсем другое – каждодневная, длительная и упорная работа социолога с лидерами и активистами любого социального движения, прежде всего с целью понять их, проникнуть в строй их мыслей, а затем помочь грамотно выразить свои требования, овладеть навыками общественной жизни, быть публичными фигурами, просчитывать возможности и ресурсы – свои и противостоящих сил» [Яницкий 2010: 24]. Активная позиция исследователя дала возможность получить уникальные материалы, которые были бы недоступны для внешнего, безразличного наблюдателя. Она соответствовала характеру И. А. Халий, которая была человеком деятельным и страстным, но при этом умела сохранять научную отстранённость и критическое восприятие изучаемой ею реальности.

Под влиянием А. Турэна сложилось целое направление качественных исследований гражданского общества, которыми мы занимались под руководством О. Н. Яницкого, а после 1997 г. самостоятельно. И. А. Халий трансформировала социологическую интервенцию в рефлексивные семинары с активистами экологического движения, где обсуждались их проблемы, цели, ценности, иногда конкретные планы действия, разрабатывались проекты, осуществление которых также потом обсуждалось.

Столкновение миров. Гипотеза «недосмотра»

В Европе (1993 г.) мы столкнулись с совершенно иной реальностью, нежели ожидали после работы с группой А. Турэна в России. Осенью я уехала в Нидерланды учиться на Высших курсах экологического менеджмента в университете Амстердама, там же начала исследование экологической модернизации. С 1994 по 2005 гг. мы сотрудничали с голландскими социологами в совместных проектах по изучению российской экологической политики, роли в ней экологического движения и т. п.

В начале 1990-х гг. работать и учиться за границей поехали люди советские. Различия между Россией и Западом оказались в определённом смысле шокирующими, требовали осмысления и объяснения. Вряд ли они будут столь наглядными сейчас, когда система образования в России существенно изменилась под влиянием западных образцов. Нам с И. А. Халий к тому же повезло оказаться в точке пересечения социологической науки, гражданского общества, экологической политики и управления, а также повседневной реальности.

Движение из свободной самоорганизации, которую А. Турэн наблюдал и описал в 1960-е и 1970-е гг., трансформировалось в сеть неправительственных организаций. Каждая из них выполняла строго определённую функцию в системе экологической политики. Последняя была гибкой, сложной, сетевой, децентрализованной, она в те годы часто противопоставлялась западными и российскими социологами советской системе управления: иерархической, централизованной и бюрократической.

Но главным открытием стало не только качественное изменение социальной самоорганизации. Свобода оказалась существенно иной, нежели мы её представляли. Советский человек ожидал скорее свободы действия, чем свободы выбора, но именно действие оказалось гораздо менее свободным, чем на родине, социум – неожиданно более успешно и жёстко контролируемым и регулируемым. Это ощущение тотальности контроля и несвободы возникало у людей, сформировавшихся в тоталитарной (в лучшем случае авторитарной), по их же убеждению, стране.

Феномен нарастающей функциональности и технократичности всех сфер жизнедеятельности был уже зафиксирован. О колонизации всего жизненного мира формализованной системой говорил Ю. Хабермас [Хабермас 1993]. Жак Эллюль подробно описал технологическую систему, её тотальность и экспансионистские свойства, её воздействие на человека и социум [Ellul 1980]. Данная интерпретация объясняла многое из того, что мы наблюдали в Европе. Однако оставался неразрешённым вопрос – почему не было системной экспансии в России? В Нидерландах возникла первая гипотеза, объяснявшая её отсутствие. Сводилась она к тому, что гибкая сетевая система управления на Западе эффективнее регулировала и контролировала субъекта социального действия, нежели громоздкая административно-командная система СССР, в которой были слепые зоны, где актор мог действовать свободно вопреки её стремлению превратить его в винтик государственной машины.

Активизм и ценности

Ирину Альбертовну интересовали прежде всего люди активные, стремящиеся изменить окружающую их социальную реальность. Именно их мы и изучали в 1990-е гг. в российских городах, посёлках и сёлах, научились выявлять их, отличать от имитаторов. Халий фокусировалась прежде всего на анализе их ценностей, которые, согласно той же турэновской теории, определяли действия актора. Кроме того, в конце 1970-х американские социологи сформулировали категории доминирующей социальной парадигмы (ДСП), построенной на антропоцентризме, и сменяющей её новой экологической парадигмы (НЭП), в которой человек уже не занимает место царя природы, но равен другим биологическим видам [Catton, Dunlop 1978]. И. А. Халий использовала саму идею ценностной парадигмы сначала для изучения экологического движения, а затем для исследования местных сообществ. Она ввела понятие

«актуализированной ценности», которое позволяло уяснить, разделяют ли респонденты данные ценности, только декларируют их или действительно следуют им (актуализируют). Эта категория помогала в эмпирических исследованиях выявлять актора, отделять его от имитатора. Позже она оказалась теоретически значимой и для определения парадигмы социального действия. Доминирующая социальная парадигма и её изменения в России стали со временем главным предметом исследований И. А. Халий [Актуализированные ценности... 2015: 8–38].

В новом столетии И. А. Халий начала исследовать российские социальные движения в целом и в исторической ретроспективе [Халий 2007]. Я решила изучить процессы экспансии технологической системы, поразившей меня в начале 1990-х гг., и ожидала найти их в сфере российской экологической политики и управления. Результат оказался неожиданным для нас обеих. Актор обнаружился там, где его не должно быть вовсе: среди администраторов и менеджеров экологического управления. Выяснилось, что структуры и институты в России тех лет – вещь переменчивая и текучая, они постоянно трансформировались, выстроенные сети рвались или растворялись. Сотрудники госструктур легко меняли службу на участие в неправительственных организациях, а чаще совмещали эти виды деятельности, что для западной экополитики было немыслимо. Любая структура для российских активистов была инструментом, позволяющим актуализировать *свои* ценности и достигать поставленных ими целей. Столь странная, парадоксальная конфигурация системы экологической политики заставила обратиться к другим областям профессиональной деятельности, к другим историческим периодам и типам управления.

Однако без изначальной установки на изучение социального активизма и лежащих в его основании ценностей, без постоянного поиска его в российских городах и весях заметить активизм вне гражданского общества попросту не удалось бы. Время постоянных перемен сделало зримой неоднозначную роль структур и функций, по крайней мере в экологической политике. А наши регулярные поездки в регионы позволили её зафиксировать. К изучению других сфер жизнедеятельности социума можно было приступить с уже настроенной «оптикой», с готовым, пусть и не отточенным исследовательским инструментом.

Локальность. Взгляд с места

Изучение провинции было ещё одним, не менее важным приоритетом исследования для И. А. Халий, изначально уверенной в том, что настоящая культура, социальная активность и просто *жизнь* именно там. Главным принципом было рассмотрение всех процессов (будь то стратегия федерального центра или глобализация) сквозь призму местной жизни. В нулевых годах мы изучали не только социальные движения, но и социокультурные аспекты развития российских регионов с акцентом на местные сообщества.

Локальность в итоге стала позицией для наблюдения, откуда отчётливо были видны её взаимодействия с центром. Тотальная централизация оказалась во многом иллюзией, обусловленной отчасти взглядом сверху, отчасти стереотипными представлениями о советском и российском управлении. Оказалось, что Центр в жизни сообщества присутствует и отсутствует одновременно: он далеко, он не может принимать все решения даже в условиях централизованного управления и авторитарной политической системы. В то же время его полное отсутствие также разрушительно для сообщества, и в такие периоды действительно его жизнедеятельность держится исключительно на гражданском активизме.

Акторами не могут быть все, это отнюдь не массовый феномен; более того, человек может быть активным в один период своей жизни и пассивным в другой. Но их было достаточно, чтобы удержать города и сёла от архаизации, от сползания в своего рода новое варварство, сопровождающее глобализацию. Учителя продолжали учить, вести бесплатные кружки, спортивные секции, а врачи по-прежнему лечили, изобретая различные способы, как выжить самим и не пойти против собственных ценностных установок. Культурную жизнь в условиях почти разорванных связей с Центром обеспечивали Дома культуры, краеведческие музеи, местные литературные и художественные объединения и т. п.

Парадигма социального действия

Сложившаяся на районном уровне система взаимодействий между властью и центром (региональным и федеральным) стала понятной, равно как и роль актора в российском экологическом управлении. Но что происходило в других сферах жизнедеятельности социума и на других уровнях? Зависело ли наличие действующего субъекта от близости к управляющему центру?

Исследование деятельности советских и российских профессионалов обнаружило актора практически во всех отраслях, включая и наиболее контролируемые. Пространство свободы профессионала было шире профессиональной автономии, оставляло место для свободного действия, основанного не только на знаниях и компетенциях, но и на ценностях.

Поначалу казалось, что действующий субъект сохранился всё-таки по недосмотру и спасал страну вопреки неповоротливой системе. Рассказы инженеров, врачей, геологов и военных эту гипотезу, казалось, полностью подтверждали. Но скоро выяснилось, что борьба с системой или с начальством шла практически на всех уровнях управленческой иерархии, сопровождаясь сдерживанием опасных инициатив подчинённых. Был осознан вполне очевидный факт: нельзя «вопреки» создать промышленность и армию, нельзя налаживать дипломатические отношения и т. п. Гитлера нельзя было разбить «вопреки»: Вермахт был по своему устройству весьма близок к технологической системе и с другими подобными системами в Европе расправлялся легко и быстро. Устоять против этой почти идеальной машины без продуманных действий управляющего центра было бы невозможно. От гипотезы «недосмотра» пришлось отказаться.

Оказалось, что неповоротливая система может в короткое время сбросить бюрократические ограничения, приобрести мобилизационную гибкость и стремительность развёртывания необходимых в конкретной ситуации структур. Сочетание централизма и децентрализации, которое мы наблюдали в удалённых посёлках, также было характерно для всей системы, в особенности в экстремальных ситуациях, таких как война или катастрофа. Актор не был случайно сохранившимся в системе чудачком, не был он и супергероем. Он был человеком, способным принять решение самостоятельно, умеющим осмысливать ситуацию и своё место в ней, действующим в соответствии с собственными установками хотя бы на определённом отрезке своей жизни. Он был одним из ключевых элементов системы, на его формирование было ориентировано образование, воспитание, вся сфера социализации в целом. Борьба с системой оказалась её собственным, имманентным свойством. То, что изначально виделось архаичным управленческим монстром, оказалось феноменом сложным и чрезвычайно парадоксальным. Объяснить его парадоксы при помощи имеющихся теорий не получалось, так как все они были построены на наблюдениях за иной реальностью. Очевидно также, что реальность не может отличаться слишком сильно, у различий должны быть общие основания. В конечном итоге сложился концепт парадигмы социального действия, основанный на обозначенном выше сущностном противоречии свободного и нормированного (алгоритмизованного) социального действия. Его снятие в определённых условиях рождало технологическую систему управления жизнедеятельностью общества с функциональным субъектом (агентом) или акторскую систему, главным субъектом действия в которой является актор. Каждой из них соответствовала парадигма социального действия, то есть совокупность базовых свойств самого действия и его субъекта.

2. Субъект социального действия как критерий развития

Акторское действие есть не просто свободное действие, оно включает в себя способность действовать самостоятельно, умение мыслить на основании фундаментальных знаний о природе и обществе, а не только конкретных и узких компетенций, ценность творческого и сложного труда, ответственность за своё дело и т. п. Функциональное действие агента по сути есть только осуществление программы, алгоритма, оно нормировано и задано строго определённой последовательностью шагов, которую нельзя менять по собственному усмотрению. Осмысление и рефлексия в нём сведены к минимуму, так как увеличивают риски сбоев в технологической цепочке, связанных с «человеческим фактором». Агент или субъект-функция предсказуем, управляем, он не будет совершать подвигов и не будет делать глупостей.

Как уже говорилось, агент и актор рассматривались ранее как результат развития соответственно западного модерна (или капитализма) и модерна российского (советского), в котором индустриальный

прогресс осуществлялся в условиях ограниченного рынка на протяжении почти всей его истории. Данные категории не только определяют место человека в системе управления или даже в обществе в целом, они фиксируют его сущностные качества, главными из которых является, с нашей точки зрения, способность мыслить нестандартно (или отсутствие таковой) и основанная на ценностях рефлексивность. В настоящее время важно понять, будет ли далее меняться субъект социального действия в пределах концептов актора и агента? Возможно ли появление ещё каких-либо форм свободного и алгоритмизованного действия, формирование иных парадигм? Наконец, можно ли использовать трансформацию субъекта социального действия в качестве критерия развития?

В последние десятилетия обе системы, акторская и технологическая, существенно изменились и продолжают меняться. Направление этих трансформаций можно отследить по изменениям в социологическом, политическом и публичном дискурсах. Представленный здесь анализ ограничен популярными футуристическими построениями, в которых в концентрированном виде содержится идеология модернизации. Таким ранее во многом был «Конец истории» Ф. Фукуямы, обозначивший перспективы глобализации [Фукуяма 2004]. В настоящее время провозвестниками будущего стали Ю. Н. Харари и Р. Курцвейл [Харари 2019; Курцвейл 2018].

Современные тенденции российского развития прослеживаются в стратегических планах, которые одновременно могут отражать направление прогресса на Западе, потому что отечественная модернизация, как и в прежние времена, ориентирована (или вынуждена ориентироваться) на то, чтобы догнать и желательно перегнать его. Наконец, указанные тенденции заметны и в реальных трансформациях жизни местных сообществ, которые мы выявили в ходе полевых исследований в 2019 г.

Человека больше нет

Ю. Н. Харари рисует будущее, в котором человека как существо с несовершенным мозгом полностью заменят алгоритмы: «Выяснилось также, что биохимические алгоритмы человеческого мозга далеко не совершенны. Они основаны на эвристике, упрощениях и устаревших нервных связях, более пригодных для условий африканской саванны, чем для каменных джунглей города» [Харари 2019: 38].

В данном случае важно даже не само по себе провозглашение алгоритма движущей силой грядущего развития, но и признание несовершенства мозга *homo sapiens*. Для человека технологической системы оно вполне закономерно. Сложным ему кажется именно город, унифицированный и стандартизованный, ему трудно осознать, что жизнь в африканской саванне была непредсказуема, требовала постоянного поиска нетривиальных решений и в этом смысле была много сложнее. Нестандартность мышления внутри системы вполне логично интерпретируется как проявление отсталости, ибо она попросту опасна.

Алгоритмы заменят человека повсюду, включая пространства, которые ранее отводились только ему: в потреблении и в искусстве, даже в неоспоримо интимной эмоциональной сфере: «Вы можете выбрать желаемые эмоции, а алгоритм будет следовать вашим указаниям. Иногда вам хочется жалеть себя, иногда – прыгать от радости. Алгоритм будет покорно вам подчиняться. Он научится распознавать ваши желания даже тогда, когда вы сами плохо их понимаете» [Харари 2019: 45].

Человек технологической системы – это муравей, винтик огромной технологической машины, равный всем прочим деталям [Latour 2005]. У Харари человек просто исчезает, что логично: даже тотально контролируемый агент опасен, так как он всё-таки человек. Его проще и надёжнее заменить алгоритмом, причём именно там, где он уже стал элементом системы. Эту логику технологической системы Ю. Н. Харари демонстрирует весьма наглядно: «Вы можете возразить, что, заменив отдельных людей компьютерной сетью, мы лишимся преимуществ индивидуального подхода. Например, если один врач поставит неверный диагноз, он не убьёт всех пациентов в мире и не остановит разработку всех новых лекарств. Но, если все врачи представляют собой единую систему, и эта система допустит ошибку, результат может оказаться катастрофическим. В реальности интегрированные компьютерные системы могут максимизировать преимущества взаимодействия, не растеряв преимуществ индивидуального подхода. В одной сети будут выполняться разные алгоритмы так, чтобы пациент в отдалённой деревне в джунглях мог с помощью смартфона связаться не с одним авторитетным врачом, а с сотнями систем медицинского искусственного интеллекта, работа которых подвергается постоянному сравнению... Благодаря обучающим алгоритмам и биометрическим датчикам бедный деревенский житель из слаборазвитой страны сможет получить медицинские услуги, по качеству значительно превосходящие те, что сегодня богатейшие люди мира получают в самых современных клиниках» [Харари 2019: 41–42].

Установка на замену человека алгоритмом слабо связана с реальностью деревенского жителя бедных стран. Автор к тому же ничего не знает о риске той же новой вирусной инфекции. Это незнание принципиально и показательно, порождено прогрессом и изначально направлено на минимизацию риска, но на самом деле оно значительно усиливает риск, что и подтвердила нынешняя пандемия Covid-19. Незнание уже давно не элемент футурологических прогнозов, оно воплотилось в катастрофическом, как выяснилось, сокращении числа больниц и врачей в развитых странах.

Р. Курцвейл также провозгласил грядущее слияние интеллекта естественного с интеллектом искусственным и эру практически бессмертных киборгов, которые будут жить большей частью в виртуальной реальности, ими же сконструированной [Курцвейл 2018].

Остаётся неясным, зачем и кому тогда нужен человек, даже в виде киборга, наслаждающегося функционированием алгоритмов в виртуальном пространстве. В этом почти гротескном описании прекрасного нового мира человек не просто утрачивает субъектность, он устраняется в прин-

ципе: больше нет дихотомии свободного и алгоритмизованного действия, нет противоречия между актором и агентом, нет даже великого потребителя, потому что нет социального действия как такового. Он – *никто*.

Субъект действия в российской стратегии развития

В России «постгуманизм» и «постчеловеческое будущее» – пока лишь модная в столицах идея. Однако исследование стратегии догоняющего развития свидетельствует, по крайней мере, о схожести его ориентации с радикальными и эпатажными концептами футурологов. Отметим, что советский и российский модерн всегда провозглашал целью формирование нового человека, не человека-функции или винтика промышленной машины, но всесторонне развитой личности. В современной стратегии развития, сформулированной в Послании Президента Федеральному Собранию в 2018 г., также значится раскрытие талантов и самореализация личности¹. Однако главной является установка прежде всего на технологическое развитие, в первую очередь на развитие робототехники и искусственного интеллекта. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества с этого времени рассматривается как основное направление российского прогресса. Для её осуществления необходимо выявлять и обучать одарённую молодёжь. В пространственном развитии приоритетными становятся городские агломерации.

Стратегии развития разрабатываются в регионах регулярно, однако редко и мало обсуждаются, а в иных случаях носят откровенно декларативный характер и ориентированы прежде всего на пиар. Дискуссии в социальных сетях и на форумах связаны в первую очередь с текущей деятельностью губернаторов [Аксенова 2019а]. Но есть и стратегии, осуществляющиеся в регионах последовательно и весьма эффективно. В первую очередь это оптимизация образования и здравоохранения. Их результатом является сокращение соответствующих организаций на местном уровне. В здравоохранении создаются сложные логистические схемы доставки нуждающихся в медицинской помощи граждан в крупные города, где построены высокотехнологичные медицинские центры.

Важным является не только то, *что* в федеральной и многочисленных региональных стратегиях *обозначено*, но и *что* в них *отсутствует*. Так, практически ничего не сказано о месте (или роли) всей остальной («неодарённой») молодёжи в развитии России. В стратегическом планировании и современной политической дискуссии «народ» в целом представляет собой скорее объект, которому надо что-либо дать. В последний год жизни И. А. Халий фокусировала внимание именно на этом игнорировании необходимости вовлечения всех молодых людей и всех граждан страны как субъектов действия в прорывное развитие [Подъячев, Халий 2020].

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата посещения: 06.05.2020).

Субъект действия в малых городах и сёлах

Главным фактором перемен в российской глубинке стал отток молодёжи. Молодые люди уезжают учиться (или на заработки) и больше не возвращаются. Данная проблема характерна для многих российских сёл и малых городов. Представители старших поколений считают, что она уже носит катастрофический для местных сообществ характер. В мегаполисах больше возможностей работы, заработка, больше различных кружков и секций для детей, есть больницы в шаговой доступности, а не в соседнем селе или вовсе региональном центре и т. п. Ещё в 2013 г. ситуация была иной: молодые люди говорили о вынужденном отъезде, о желании жить и работать там, где выросли. Установки нового поколения изменились. Остаются лишь те, кто плохо учились, в большинстве это дети из неблагополучных семей. Именно они поступают в местные колледжи и техникумы.

В такой ситуации у активных людей опускаются руки, так как исчезает стимул для действия, локальность угасает. Причина не только и не столько в федеральной политике: сказывается воздействие глобальных тенденций, сохраняющихся несмотря на явное торможение самой глобализации. Через интернет распространяются установки на жизнь в большом городе, на комфорт, успех и т. п.

Тем не менее акторы в российской провинции, стремящиеся изменить местную жизнь, всё ещё есть, причём и среди представителей бизнеса. Один из них в центральной России стремится превратить малый город в «новый Суздаль», другой в сибирском посёлке обустривает его не только для туристов, но и для местных жителей. Преподаватели техникумов и колледжей пытаются учить и воспитывать доставшихся им двоечников и троечников: *«Молодёжь рвётся в город, но мы стараемся поднять статус и престиж своего села. Проводим воспитательные мероприятия. Есть самодеятельность, мы стараемся, чтобы участвовали все дети. Если в школе этих детей нельзя было вывести на сцену, то у нас они выступают»* (преподаватель колледжа, Мурманская область). В то же время результаты их работы часто становятся трамплином для отъезда, для продолжения учёбы в городе: *«Для местного населения мы не престижны, в город бы поехать. Но мы даём азы профессии, а дальше могут развиваться, идти учиться поварскому делу, получать высшее образование. На саамском рукоделии наши девочки получают такие навыки, что могут идти в дизайн. Учётчик получает знания азов бухучёта и может также идти учиться дальше»* (преподаватель колледжа, Мурманская область).

Низкая заработная плата в сочетании с транслируемой СМИ и интернет-сообществом установкой на то, что получать много денег следует не напрягаясь, порождает специфическую форму безработицы. Отмечено, что некоторые жители малых городов и посёлков отказываются от работы по причине её низкой оплаты. Они предпочитают одноразовые услуги, позволяющие какое-то время прожить на зарабо-

таннные деньги. Складывается устойчивый образ жизни, из которого трудно выйти. Формируется люмпенизированная, социально пассивная группа, новые «лишние люди», не связанные никоим образом с цифровизацией и алгоритмами. Они не могут быть ни агентами, ни акторами.

Современный профессионал: агент или актор?

Современное образование также существенно меняет акторскую парадигму социального действия. В 2019 г. нам удалось продолжить исследование деятельности врачей в Москве и регионах. Представители старой школы продолжают работать и сохраняют сложившиеся установки. И это вовсе не пенсионеры, к этой группе причисляют себя и специалисты 30–40 лет, что соответствует данным, полученным в предыдущих исследованиях: *«Я считаю себя человеком, окончившем советскую школу и учившимся у советских учителей. В первую очередь нас учили не быть компьютерными мальчиками и девочками, а всё-таки иметь клиническое мышление. Есть попытки стандартизировать всё, создаются специализированные институты. Проблема в том, что человек индивидуален и каждого под стандарты загнать невозможно»* (врач, Москва). В Москве, как и в малых городах, главной проблемой для профессионала-актора стала оптимизация медицины: *«Оптимизация медицины продолжается, всё держится на нашем энтузиазме. Некоторые, правда, убегают»* (врач, Москва).

Это поколение врачей не отрицает технологий и медицинских протоколов, «написанных кровью», но считает их лишь обязательным дополнением к своей деятельности, а не её сутью. Они высоко ценят новое оборудование, потому что начинали работать в нулевых годах, в условиях, когда в больницах не было вообще ничего. Технология, по их мнению, улучшает советскую школу, но не должна заменить её.

Современные врачи хорошо знакомы с западным здравоохранением. Некоторые сами работали за рубежом или общаются с работающими там однокурсниками. В России, по их мнению, сохраняется индивидуальный подход к лечению, несмотря на его стандартизацию.

Можно сделать предварительный вывод о том, что данное поколение врачей (и инженеров) будет следовать традиционной акторской парадигме, вернее те из них, кто не «убегут». Сложнее с новым поколением.

Молодёжь получает образование, которое уже сложно оценить в категориях акторской или технологической системы. Часть молодых профессионалов учатся у старших товарищей, другие не делают ничего: *«Бьюсь с ними. Есть толковые, которые хотят научиться, есть те, кто плывёт по течению. У них в головах ветер, они базовой школы не знают. Сейчас везде тесты, это не показатель знаний»* (врач, Москва). Качество обучения в региональных медицинских университетах, по свидетельству наших респондентов, было ещё несколько лет назад высоким, в последние несколько лет оно неуклонно снижается.

В районных центрах есть и другая проблема: врачи говорят о том, что удержать молодых специалистов невозможно. Попытки федерального центра вернуть врачей в малые города и сёла посредством программы

«Земский доктор» не слишком успешны. Чётко прослеживается влияние идеологии развития, ориентированной на большой город, часто не помогает даже предоставленное жильё и деньги. Ситуации, которые отмечают главные врачи в районных больницах в разных концах страны, одинаковы: друзья считают молодого доктора, приехавшего работать в малый город, неудачником; другого пригрозила бросить девушка, если он не уедет из «этой дыры»; бывает, что разводом грозит муж и т. д. В некоторых случаях молодого специалиста отпускают до истечения положенного срока, в других – он три года отработывает, но затем всё равно уезжает.

Более того, в относительно успешном селе, живущем за счёт туризма, куда молодые специалисты разных профессий возвращаются после окончания вузов, ни один из старшеклассников не выбрал профессию врача. Учителя предполагают, что сказалась пропаганда в СМИ, бесконечные рассказы про «врачей-убийц». В результате в больнице работают только пенсионеры.

Заключение

Парадигма социального действия стала итогом актуализации трёх принципов, сформулированных И. А. Халий в её социологической практике: изучение активизма, фокус на ценностях и взгляд с места. Именно эта триада позволила выявить отечественного актора, увидеть парадоксы и противоречия в советской и российской системах управления, разработать теоретические инструменты для их объяснения.

Анализ трансформаций действующего субъекта в процессе развития фокусирует внимание непосредственно на человеке, а не на потребительских или виртуальных удовольствиях, которые он должен в результате модернизации или технологического прогресса получить, а также не на прогрессе ради прогресса. Выявленные тенденции порождают целый ряд вопросов, возможно, риторических с точки зрения человека, сформировавшегося в акторской парадигме. Можем ли мы назвать развитием редуцирование субъекта действия к функции? Индивидуализм и свобода личности в этой ситуации не более чем атомизация, изолированное существование одинаковых «человечков», обладающих алгоритмизированной свободой выбора, которая по сути есть лишь имитация свободы. Можно ли считать развитием современное стремление заменить себя алгоритмами? Как и чем объяснить возникновение подобной интенции в принципе?

Самым распространённым аргументом в пользу именно такого развития на бытовом (да и на научном) уровне является утверждение о неизбежности прогресса, с которым следует смириться и не быть луддитом, воюющим с машинами. Но действительно ли данный тип прогресса неизбежен?

В России сохранялось и воспроизводилось иное понимание развития, в котором человек-творец, сложная, всесторонне развитая личность является целью и обязательным результатом этого процесса. Все предыдущие российские реформы и прорывы копировали западную модернизацию,

но при этом существенно трансформировали её [Андреев 2013, Аксенова 2016]. Во всех наших исследованиях респонденты были ориентированы на прогресс и говорили о нём как о важной ценности. Интервью с советскими и российскими профессионалами, относящими себя к советской школе, выявляют общие для всех представления о развитии: алгоритмы необходимы, они не заменяют человека, но дополняют и улучшают его деятельность, сохраняя при этом пространство для творчества. Развитие, направленное на полную победу технологии над человеком, объясняется скорее всего не только и не столько имманентными свойствами непосредственно технического и технологического прогресса, но функционированием рынка, в котором тотальная алгоритмизация коммерчески выгодна.

Технологическая система крайне уязвима, в том числе потому, что субъект социального действия не обладает фундаментальными знаниями, не приучен искать нестандартные решения. Его учат любить и ценить комфорт и лёгкость бытия, в котором практически нет необходимости думать, принимать решения и брать на себя ответственность. Человек в мире алгоритмов неизбежно забывает о рисках мира реального, о катастрофах и эпидемиях, для которых алгоритмов просто нет. Мы ещё не знаем всех деталей нынешней трансформации постмодерна: кого формируют новые подходы к воспитанию и образованию? Как изменяется восприятие мира человеком, с детства проводящим больше времени в смартфоне?

В России попытки формирования субъекта-функции с алгоритмизованным мышлением осуществляются в несколько иных условиях. Здесь невозможно было создать универсальные программы действий на все случаи жизни: слишком сложны, непредсказуемы и разнообразны были условия жизнедеятельности общества, а потому до сих пор сохраняется акторская парадигма действия. Возможно, это даёт нам преимущество, которое также необходимо осмыслить, если ещё осталось время. Тенденции, которые мы с Ириной Альбертовной Халий и её учениками обнаружили в 2019 г., говорят о том, что этого времени не так уж много. Слишком быстро меняются условия жизни и труда жителей российской глубинки и столиц. Отчётливо прорисовывается образ реального «никто», замещающего субъект действия в футуристических картинах Харари и Курцвейла. Не бессмертный киборг, а лишний человек существует пока ещё на периферии жизни даже местного сообщества, но его присутствие уже ощутимо. Он свободен практически от всего и от любой ответственности тоже. Число лишних людей может радикально вырасти в случае успеха тотальной цифровизации и не только в глубинке, но и на урбанизированных пространствах, если только она не будет вписана в деятельность человека, сохраняющего свою субъектность.

Современные перемены рожают также имитатора, создающего, например, стратегии и проекты, которые не будут выполнены. Это явление не новое, а вот имитации субъекта-функции раньше встречать не приходилось. Судя по свидетельству профессионалов, их молодые коллеги получают формализованное образование, однако не могут применить и его. Всё перечисленное пока лишь тенденции, требующие изучения. Возможно, что-то изменится и в самой технологической системе по причине хотя бы

нынешней пандемии, возможно и нет. Но при планировании развития уже следует определиться: желаем ли мы создать мир, в котором человек просто функция, или мир, где он «никто» – и неясно, сможет ли он выжить физически за пределами системы алгоритмов?

Библиографический список

Аксенова О. В. 2019а. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. Т. 27. № 1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192>

Аксенова О. В. 2019b. Стратегия развития российских регионов: реальность // Власть. Т. 27. № 6. С. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6813>.

Аксенова О. В., Халий И. А. 2018. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. № 24. С. 13–26. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.492.

Аксенова О. В. 2017. Роль профессионала-актора в российской системе управления: автореф. дисс. д. соц. н. // Официальный портал ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5077> (Дата посещения: 06.05.2020).

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М: Институт социологии РАН. 304 с.

Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.

Андреев А. Л. 2013. Российский социум как «другая Европа» // Общественные науки и современность. № 3. С. 70–79.

Курцвейл Р. 2018. Эволюция разума, или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: Эксмо. 352 с.

Подъячев К.В., Халий И.А. 2020. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия Социология. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

Халий И. А. 2007. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН. 300 с.

Харари Ю. 2019. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад. 416 с.

Фукуяма Ф. 2004. Конец истории и последний человек. М.: АСТ. 588 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып. 2. С. 132.

Яницкий О. Н. 2010. Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. № 7. С. 17–27.

Catton W. R., Danlop R. E. 1978. Environmental sociology and new paradigms // *The American Sociologist*. No 13. P. 41–49.

Ellul J. 1980. *The technological System*. N. Y.: Harper Torchbooks. 362 p.

Latour B. 2005. *Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK): Oxford University Press. 301 p.

Статья поступила 14.05.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксенова Ольга Владимировна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function Performer, Nobody?

Olga V. Aksenova

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: illaio@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1634-7597

For citation: Aksenova O. V. Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function performer, Nobody? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Abstract. This article examines the history of how the concept of the social action paradigm was created, as well as the prospects for its use in analyzing Russia's current development. The first part of the study presents reflections on the development of the concept, and on how the process was affected by research principles created by Irina Khaliy, which include the study of activism and actualized values, as well as an outlook on social processes and phenomena based on locality. In conjunction this created a unique monitoring perspective, which identifies the properties of social action and its subject, while exhibiting the paradoxes and contradictions of the Soviet and Russian system of management. It is shown how a conclusion was reached on the active subject playing a crucial role in the traditional Russian model of government, as well as how the notion of the social action paradigm came to be, it being a combination of the basic properties of the action itself and its subject, which includes the ability to think outside the box and act independently, the value of complex and creative work, the value of freedom of action and so forth. Part two of the study considers the prospects of using such an interpretation of social action as “a dichotomy of free and algorithmic action” to examine processes of development. Progress in our time is aimed at an absolute algorithmization of human activity, as well as replacing humans in every single field with algorithms in the future. On a federal level, strategic planning in Russia prioritizes digitization and technological advancement. Space-wise, a trend is emerging towards establishing large metropolitan areas, which are more suitable for developing a system of technologies as opposed to small towns and settlements. Russia's lagging development might result in social action being reduced to an algorithm, its subject – to a function, in other words – this might lead to the formation of a person who is unable to think or act independently. Technological cycles being totally dominated by algorithms in practice might lead to the appearance of “unnecessary people”, who's physical survival cannot be guaranteed. The article poses the question – given such a situation, can you even consider these transformations to be advancement or progress?

Key words: paradigm of social action, actor, agent-function, free action, algorithmized action, technological system, “actor system”, development, progress, values

References

Actualized values of the modern society: Ed. by I.A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 201: 273 (In Russ.).

- Aksenova O.V. Strategy of the development of Russian regions: official version. *Vlast' = Power*, 2019: Vol. 27: 1: 9–1 (In Russ.).
- Aksenova O.V. Strategy of the development of Russian regions: the reality. *Vlast' = Power*, 2019: Vol. 27: 6: 35–41 (In Russ.).
- Aksenova O.V. The paradigm of social action: professionals in the Russian modernization. Moscow, IS RAS publ., 2016: 304 (In Russ.).
- Aksenova O.V. The role of the professional-actor in the Russian managerial system: abstract of the thesis for doctor of sciences. Moscow, IS RAS publ., 2017. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5077> [accessed 06.05.2020](In Russ.).
- Aksenova O.V., Khaliy I.A. Modern development: to the discussion of the research issue. *Vestnik Instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2018: 24: 13–26 (In Russ.).
- Andreev A.L. Russian society as “another Europe”. *Obschestvennye nauki I sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2013: 3: 70–79 (In Russ.).
- Catton W.R., Dunlop R.E. Environmental sociology and new paradigms. *The American Sociologist*, 1978: 13: 41–49.
- Ellul J. *The technological System*. New York, 1980: 362.
- Fukuyama F. The end of history and the last man. Moscow, 2004: 588 (In Russ.).
- Habermas J. *Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus*. THESIS, 1993: 2: 123–136. (In Russ. from German).
- Harari Y.N. 21 lessons for the 21st century. Moscow, Sindbad, 2019: 416 (In Russ.).
- Khaliy I.A. Modern social movements: innovative potential of Russian transformation in traditional milieu. Moscow, IS RAS publ., 2007: 300 (In Russ.).
- Kurzweil R. How to create a mind: the secret of human thought revealed. Moscow, Eksmo, 2018: 352 (In Russ.).
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK), 2005: 301.
- Podyachev K. V., Khaliy I. A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2020: Vol. 20: 2: 263–276 DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
- Putin V. Message from the President to the Federal Assembly 2018. Russian President Official website. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> [accessed 06.05.2020] (In Russ.).
- Yanitsky O.N. Social limits of modernization in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010: 7: 17–27 (In Russ.).

The article was submitted on: May 14. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aksenova Olga Vladimirovna, Doctor of Sociological Science, leading researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.